Газета православного Прихода
храма святого великомученика
и целителя Пантелеимона
посёлка КУЗЕДЕЕВО

Издаётся по благословению
Преосвященнейшего Владимира,
епископа Новокузнецкого и
Таштагольского

Свет Православия

День Святой Троицы. Пятидесятница

(31 июня)

С Праздником!

№ 69

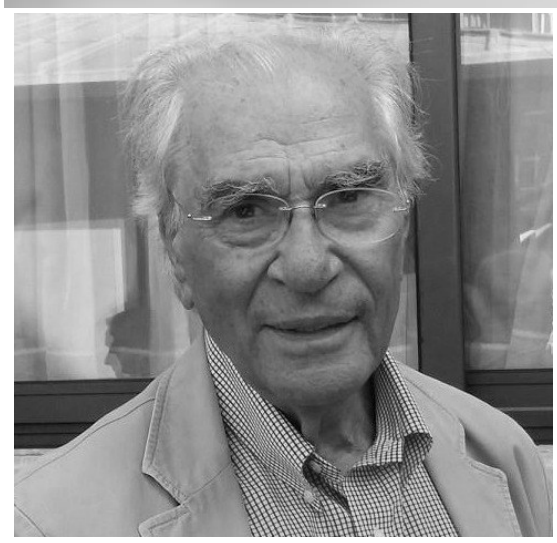
Май 2015 г.

В номере:

- День Святой Троицы с.2-3
- Родительская суббота с.4
- Апостольский пост с.5
- Святитель Иоанн с.5
- Святитель Лука с.6
- История Православной Церкви с.7-8

День Святой Троицы. Пятидесятница

Христос Яннарас



Пятидесятница

После воскресения и вознесения Христа Его ученики, «человек около ста двадцати», собрались в Иерусалиме, «где все они единодушно пребывали в молитве» (Деян.1,14;16). Однако это собрание еще не представляло собой Церковь; то была просто кучка испуганных, сбитых с толку людей, объединенных лишь общими воспоминаниями и общими смутными ожиданиями. Несколькими днями ранее они спрашивали Учителя, не освободит ли Он «во время сие» народ Израильский от римского ига и не восстановит ли «Царство Израилю» (Деян. 1:6). Даже после воскресения их ожидания, похоже, не шли далее вполне земных стремлений и притязаний.

Радикальное изменение состояния учеников произошло в день Пятидесятницы. Лука, приступая к описанию этого события, использует язык аналогий: «при наступлении дня Пятидесятницы» ученики вновь собрались на Вечерю в Иерусалиме, и «все они были единодушно вместе. И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились» (Деян. 2:1-2). Слуховые ощущения сопровождались зрительными образами: «И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святого...» (Деян. 2:3-4).

Если эти события и можно описать, то лишь языком аналогий: однако произведенное ими изменение в учениках Христовых, «исполнившихся Духа Святого», было вполне конкретно и очевидно для всех: «И начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещавать» (Деян. 2:4). Внезапно ученики заговорили на языках всех племен и народов, собравшихся в Иерусалим на празднование Пасхи. Каждый из присутствующих в толпе слышал из уст апостолов свою родную речь, и «все изумлялись и дивились» (Деян. 2:7). Апостолы, люди простые и необразованные, по замечанию Луки, и вдобавок вплоть до последнего момента мучимые страхом, начали проповедовать толпе «о великих делах Божиих» с мастерством и мудрой проникновенностью опытных ораторов. Теперь они знали, в чем их призвание и в чем смысл завещанного им учения; им стало ясно значение как уже свершившихся событий, так и той жизненной перспективы, которую они раскрывали перед людьми своей проповедью. Апостолы призвали присутствующих к покаянию и крещению, дабы все они также получили «дар Святого Духа» и тем самым приобщились к Пятидесятнице – эта возможность с тех пор открыта для каждого из нас. «Итак охотно принявшие слово... крестились, и присоединилось в тот день душ около трех тысяч; и они постоянно пребывали в учении Апостолов, в общении и преломлении хлеба» (Деян. 2:41-42). В то же время «много чудес и знамений совершилось чрез Апостолов в Иерусалиме» (Деян. 2:43): исцеление больных и одержимых бесами, и даже воскрешение из мертвых – например, воскрешение Тавифы в Иоппии.

Сошествие Святого Духа – это не какое-то магическое дополнение к способностям и дарованиям человека, но высвобождение жизненных потенций, в котором нет ничего алогичного и «сверхъестественного». «Излияние» Духа на человеческую природу преображает не логос ее (то есть то, чем природа является), но способ ее существования, путь ипостасного самоопределения. Восприятие дара Духа Божия означает, что необходимость биологической наследственности и индивидуальной автономии перестает определять наше ипостасное бытие. Органическим следствием именно этой свободы от естественной необходимости и власти причинности являются все чудесные «знамения» в жизни Христа и апостолов – «знамения», постоянно переживаемые Церковью и ее святыми.

Исцеления расслабленных, глоссолалия (говорение на языках), богословская мудрость и все прочие дары (харизмы) суть плоды возрождения человека «в Духе Святом». Как при рождении человека первые проявления жизни – первый вздох и первый плач, а позднее первая улыбка и первые слова, которые начинает выговаривать ребенок, – воспринимаются как нечто удивительное и чудесное, но одновременно и как нечто самоочевидное, так же чудесны, но и самоочевидны плоды возрождения человека «в Духе Святом». Если эти плоды не всегда явны, это происходит не потому, что людям дается «разное количество» духовных дарований – «ибо не мерою дает Бог Духа» (Ин. 3:34), но потому, что различна степень нашего сопротивления смерти, совершаемого нашей свободой.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ — [< лат. existentia существование] филос. обусловленный существованием, относящийся к существованию.

Экзистенциальное изменение

Пятидесятница (сошествие Святого Духа) есть начало и основание Церкви – не основание очередного института, но начало «новой твари»: возможности вечной жизни, открытой Богом перед человеком. Вот почему Пятидесятница, или сошествие Святого Духа, – не единичное событие, свершившееся раз и навсегда, но непрекращающееся событие, конституирующее Церковь.

Евхаристия есть трапеза, вкушение пищи и пития. Однако для того, чтобы акт приема пищи стал средством приобщения к жизни, а не просто обеспечивал эфемерное выживание, необходимо действие Святого Духа, преображение тленной пищи в пищу нетленную, в возможность вечной жизни, во «врачевство бессмертия». Во время каждого Евхаристического собрания Церковь, обращаясь к Богу Отцу, призывает Святого Духа для совершения этого экзистенциального изменения: «Ниспошли Духа Твоего Святого на нас и на эти предлежащие дары, и сотвори этот хлеб – пречистым Телом Христа Твоего, а вино в этой чаше – пречистой Кровью Христа Твоего, преобразив их Духом Твоим Святым». Община, собравшаяся вокруг святых даров, скрепляет этот призыв (по-гречески эпиклесис) утвердительным восклицанием: «Аминь!» Это короткое слово, которым человеческая свобода говорит «да» Божественной любви, выражает в литургии коллективное признание Нового Завета с Богом, всецелую ему приверженность и благословение, получаемое от Господа. Утверждение Евхаристической общиной призывания Святого Духа совершается «во Христе», Который есть «Аминь, свидетель верный и истинный» (Откр. 3:14): «Ибо все обетования Божии в Нем «да» и в Нем «аминь», – в славу Божию, чрез нас» (2Кор. 1:20). Мы просим Отца о ниспослании Святого Духа, произнося «аминь». «Аминь» же – Сам Христос, само совершенное послушание животворящей воле Божией.

Экзистенциальное изменение, совершающееся при сошествии Святого Духа во время Евхаристии, не касается исключительно объектов или же отдельных людей, но затрагивает взаимосвязь между людьми и предметами – ту связь, посредством которой человек приходит к Богу и вручает Ему все творение; которая претворяет бытие как людей, так и вещей в евхаристическое приобщение Богу, в сопричастность полноте троичной жизни. Мы призываем Святого Духа «на нас и на предлежащие здесь дары» именно для того, чтобы свершилось преображение жизни, чтобы жизнь обрела нетленность, чтобы и сами дары, и всякий причастившийся им человек претворились в новую тварь, неподвластную смерти, – претворились в Тело Христово.

Животворящее сошествие Духа преображает не природу людей и вещей, нообраз существования природы. Человек остается существом тварным, как и дарованные ему хлеб и вино. Но это тварное естество призвано к бытию и удостоено образа бытия, при котором источником жизни оказывается возвращение к Богу и самоотдача в руки Божественной любви, а не эфемерные свойства тленной природы. Жизнь основана на единении с Богом – единении тварной плоти, тела и крови Христовых, с нетварным Словом Божиим. Человечество Христа не было кажущимся, ограниченным лишь областью чувств и моральных норм, но образом своего бытия во всем уподобилось плоти человеческой. Следовательно, в акте Евхаристии человек посвящает Богу не просто свои чувства или нравственные поступки, но способ осуществления самой жизни – пищу, поддерживающую существование людей. Совершая литургическое приношение Богу хлеба и вина, этих символов жизни, человек тем самым отказывается от претензий на них как на свою собственность, признавая их даром Божественной любви: «Твое, от Тебя полученное, Тебе приносим». В ответ на это приношение Святой Дух претворяет образ бытия как выживания в образ бытия как нетленной жизни. Итак, пища человека, хлеб и вино, предстают в Евхаристии как возможность вечной жизни, то есть единства тварного и нетварного, жизненного воссоединения твари с космической плотью Бога-Слова, с Телом и Кровью Христовыми. В церковной Евхаристии происходит, то же, что и при «сошествии» Святого Духа на Богородицу, что ждет и весь тварный мир по «устроении полноты времен, когда все небесное и земное соединится под главою Христом» (Еф. 1:10): тварь становится сопричастной нетварному, хлеб и вино претворяются в Тело и Кровь Христа; собрание Церкви являет собою Царство Божие.

«Пресуществление» и «символ»

Христианскому Западу никогда не удавалось выразить жизнь языком, свободным от рассудочных схем, от необходимости установления «объективной истины». Отрицая динамику жизни, он оставался приверженцем «объективности» понятий-сущностей и всегда определял бытие через объективные атрибуты сущности. Для западного сознания было невозможно понять, каким образом две различные сущности, или природы (тварная и нетварная), могут быть причастны единому способу существования. Поэтому они и не могли рассматривать церковную Евхаристию как экзистенциальное событие, как изменение именно способа существования, не влекущего за собой изменения сущностей, или природ.

Итак, католики говорят о пресуществлении (transsubstantiatio) хлеба и вина Евхаристии. Предложенные дары (хлеб и вино) пресуществляются: меняют свою сущность, обретают иную природу. «Через благословение хлеба и вина сущность хлеба целиком претворяется в сущность плоти Христовой, а сущность вина в сущность Его крови» (Тридентский Собор, Sess.XIII, cap.4), в то время как чувственные свойства хлеба и вина остаются неизменными лишь по видимости, превратившись во «внешние случайные признаки» (accidentia).

Однако это изменение сущности не связано с экзистенциальным событием, с превратностями человеческой жизни и смерти. Оно не затрагивает и не проясняет способа жизни – тленного или нетленного, смертного или бессмертного, но представляет собой рассудочно выведенное и поддерживаемое эмоциональной верой «сверхъестественное» (в конечном счете магическое) изменение природы объекта. Также «сверхъестественно» и спасение, приобретаемое через причастие пресуществленным дарам. Евхаристия здесь не изменяет способа существования человека, не преображает его из индивидуального в церковно-тринитарный. Потому и Церковь не отождествляется с Евхаристией и Царством, но сводится к институциальной оправе для «присвоения» индивидуумом сверхъестественного пресуществления. Так римский католицизм вводит и поддерживает индивидуалистическую религиозность, а также отделение Церкви от мирян, сведение ее к чисто административной иерархии, что в корне противоречит апостольской истине и церковному опыту.

Естественным следствием этого оказывается стремление католиков дематериализовать (как это и происходит) Евхаристические дары, так как совершающееся пресуществление интерпретируется ими символически: хлеб причастия – не обычный хлеб, который люди едят каждый день; он заменяется некоей «хостией» [21], пресной и голой схемой. При этом мирян не допускают к причащению из Чаши, потому что вкушение вина опасно и противоречит идее пресуществления.

Протестантизм с первого мгновения отверг идею пресуществления, но сделал это исходя из той же западной убежденности в «объективности» сущностей. Для протестантов невозможно изменение сущности, или природы, Евхаристических даров: хлеб остается по природе хлебом, вино – вином. Если мы все же причащаемся плоти и крови Христа, это происходит потому, что хлеб и вино выступают как виды, символы, и образы, или как средство, орудие и залог «духовного» причастия и общения в вере с Господом. Здесь также отсутствует связь с экзистенциальным событием и жизненной реальностью. Христос присутствует в Евхаристии не Своей телесной сущностью, пребывающей на небесах, но лишь Своей животворящей силой, которая передается исключительно тем, кто подходит к причастию с верой. Не разделяющие веры причащаются простым хлебом и вином и, разумеется, «в осуждение».

Таким образом, вместо тезиса о «сверхъестественном» пресуществлении протестантизм вводит более обоснованное с точки зрения разума представление о преимущественном значении субъективного опыта, усиливая замыкание человека в индивидуалистической религиозности. Истина Церкви становится абстрактной и второстепенной, так как общение со Христом в Евхаристии есть событие субъективной готовности и веры и даже не предполагает необходимости

института Церкви как посредницы в претворении даров. Библейское обетование спасения наглухо отделяется от экзистенциальных превратностей человеческой жизни, конструируется в качестве умственной категории «оправдания» и переживается как индивидуальная психологическая достоверность, как эмоциональная экзальтация, из чего следует практический вывод о необходимости морального «улучшения», то есть улучшения характера и внешних привычек. Сама истина о Троичном Боге в отрыве от евхаристического опыта церковного способа существования сводится к абстрактной догме, не связанной с жизнью и надеждой человека.

Таинства

Согласно апостольской и святоотеческой традиции, а также ее историческому продолжению в Православии, Церковь являет и реализует себя в событии Пятидесятницы, возобновляющемся во время каждого Евхаристического собрания.

Вся жизнь верующего, каждый аспект его существования представляет собой подготовку к принятию или само приобщение дарам Святого Духа, претворение жизни. Это новое творение берет начало в акте, посредством которого мы вступаем в Церковь и становимся членами Тела Христова – в крещении и миропомазании. Мы становимся членами Церкви не через принятие определенных умозрительных принципов или этических установлений, но прежде всего через действие вполне телесное: через троекратное погружение в крещальные воды, то есть реальное чувственное подтверждение того, что мы следуем за Христом в смерти и воскресении. Новообращенный член Церкви «погребается» как ветхий человек и «воскресает» после троекратного погружения в воду к новой жизни – жизни по образу троичного бытия. Это добровольное погребение оказывается для твари (вслед за Христом) началом нового, нетленного существования, не подверженного разложению и уничтожению. В воде, символе и лоне жизни, восстанавливается и обновляется наше естество.

Именно в воде изначально зародилась жизнь, совершилось впервые непостижимое для рассудка отделение живой природы от инертной материи. Так и в крещальных водах возникает новая жизнь, утверждается коренное различие между личностной ипостасью и индивидуальным выживанием, ограниченным смертью. Епископ или священник призывает Святого Духа, преобразующего зрительный образ погребения и воскресения в экзистенциальное событие: «Совлеки с него ветхого человека и обнови его в жизни вечной, и исполни его могущества Святого Духа, воедино со Христом, дабы он не был более чадом плоти, но чадом Твоего Царства».

Именно здесь, в чувственной области, в жизни естества, совершает Святой Дух Божий преобразование образа нашего бытия, прививая тварный черенок к нетварному древу. Если природное рождение означает появление очередной биологической монады, подверженной закону дряхления и смерти, то крещение возрождает наше существо (1Пет. 1:3), придает ему личностную неповторимость, выраженную в имени – неповторимость живой ипостаси, чье бытие основано на приобщении Богу, Отчей любви. Человек перестает быть просто индивидом, принадлежащим к определенному биологическому виду; одним из звеньев цепи, одной из единиц, составляющих множество. Отныне он сопричастен единству святых, сопричастен жизни Троицы: каждый из нас получает имя того или иного святого, каждый динамически реализует в своей личности откровение Божественной любви.

В первоначальной Церкви Святой Дух сообщался новокрещеным через апостолов: «Тогда возложили руки на них, и они приняли Духа Святого» (Деян. 8:17). Эта непосредственная личная передача дара Святого Духа всем возрожденным к новой жизни через крещение ныне осуществляется в Церкви через таинство миропомазания.

Через миропомазание новокрещеный член Церкви не только приобщается к жизни обновленной твари в Теле Христовом, но и получает печать личного усыновления, печать личностной и неповторимой связи с Пресвятой Троицей – связи, осуществляющейся благодаря непосредственному присутствию Святого Духа в самой глубине его существа, в его ипостасной сердцевине.

Ныне таинство Святого Духа совершается не через возложение рук, но через помазание миром, наподобие того, как совершалось помазание израильских царей в ветхозаветные времена. Смысл помазания на царство заключался в изменении не природы самого помазанника, но существа его взаимоотношений с народом: царь воплощал в своей личности идею и глубинную суть жизни, понимаемой как сопричастность и единение; и в то же время был как бы прообразом ожидаемого Мессии, «Помазанника («Христа») Божия», который должен освободить Израиль и восстановить жизнь во всей полноте Божественных обетовании. Равным образом Церковь видит в неповторимости каждой человеческой личности, получившей миропомазание, возможность обновления и проявления истинной жизни в Духе Святом и по образу Христа, освободившего и восстановившего жизнь в полноте Божественного образа бытия.

Евхаристия, крещение и миропомазание представляют собой способы постоянного возобновления и проявления Пятидесятницы, то есть нисхождения Святого Духа, конституирующего Церковь. Эти способы получили наименование таинств (греч. mysterion). Кроме трех перечисленных выше, существуют также таинства исповеди, священства, брака и елеосвящения (соборования). Семь таинств – семь возможных путей органичного включения нашего индивидуального бытия в жизнь единого Тела Церкви, и в то же время – семь способов самоосуществления и проявления Церкви, в которых находит выражение новое творение, совершаемое Святым Духом.

Обозначая эти способы сообщения Духа как таинства, мы не стремимся приписать им некий оккультный характер, но хотим подчеркнуть тот факт, что динамическое включение в жизнь Церкви не исчерпывается феноменологией чувственных символов. Для этого недостаточен язык нашего повседневного быта и науки. Для того, чтобы познать реализующиеся в Церкви жизненные потенции, необходимо непосредственное и всецелое, «кафолическое», участие человека в церковной жизни.

В соответствии с западной концепцией Церкви – концепцией институционалистской и бюрократической – многие верующие воспринимают сегодня таинства как сакральные формализованные действия, посредством которых священник передает пастве «сверхъестественную» (магическую, по существу) благодать или оправдание, или абстрактное «благословение». После всего сказанного выше нет нужды лишний раз повторять, что подобная концепция весьма далека от жизни и ее динамического возрождения в нетленности и бессмертии, даруемых Святым Духом Божиим – Духом, Который зиждет Церковь.

Церковная иерархия

В наше время многие люди – очевидно, под влиянием вышеупомянутой западной концепции – отождествляют Церковь исключительно с клиром, то есть с епископами, священниками и диаконами, отделяя, таким образом, верующих от тех, кто «совершает» церковные таинства. Нам следует рассмотреть, насколько реально подобное противопоставление, каким образом возникли в Церкви особые функции клириков и какова их связь с истиной веры – с провозвестием истинной жизни.

Обратимся к нашему первоначальному определению: Церковь есть прежде всего Евхаристическая трапеза, вкушение хлеба и вина. В христианской Евхаристии, как и за еврейской пасхальной трапезой, кто-то должен благословить чашу с вином и вознести благодарственную молитву. Эта роль отводится старейшему в семье (греч. presbyteros) или председательствующему в собрании. Во время Тайной Вечери за пасхальной трапезой председательствовал Сам Христос, а после Пятидесятницы Его место заняли апостолы. Они возглавляли Евхаристическую трапезу и возносили благодарственную молитву, преломляя хлеб и благословляя чашу с вином. Когда впоследствии они оказались рассеянными по свету, то основали почти во всех областях известного тогда мира Церкви «по городам», то есть местные евхаристические собрания, председательство в которых сохранялось (по крайней мере, на первых порах) за апостолами.

О том, как происходило образование первых христианских общин, мы знаем из свидетельств Луки («Деяния Апостолов») и Павла («Послания»). Исходным моментом рождения общины всегда была проповедь. Придя впервые в какой-нибудь город, каждый из апостолов направлялся в иудейскую синагогу или на городскую площадь, агору, где публично проповедовал «новое учение» о воплощении Бога и спасении человека. Те из слушателей, кто проявлял особый интерес к новому учению и хотел узнать о нем больше, собирались затем, как правило, в частных домах, где апостолы излагали евангельские истины более полно и подробно. В этом тесном кругу верующие готовились к принятию крещения и «дара Святого Духа» из рук апостолов – единственных, кто мог сообщить его. Новокрещеные тотчас объединялись в Евхаристическую общину, то есть в местную Церковь, возглавляемую апостолом-основателем. Однако странствия Апостолов не прерывались с рождением новой Церкви, так как Благую Весть следовало принести и в другие города. Тогда основатель общины, вынужденный покинуть ее, выбирал одного из верных и через возложение рук сообщал ему особый дар – харизму «старшинства» в местной Церкви. Функции главы общины заключались в том, чтобы «председательствовать» за Евхаристической трапезой, совершать крещение и сообщать «дар Святого Духа» – словом, быть духовным отцом верующих в деле их возрождения и «возрастания в благодати и познании». В новозаветных текстах эти первые возглавители местных Церквей названы епископами (греч. episkopos – букв. «наблюдатель») или пресвитерами («старейшинами»). Похоже, эти два термина употреблялись как синонимы, поскольку и тот, и другой обозначали одно и то же лицо – «председателя» единого Евхаристического собрания, то есть местной Церкви. Тем не менее, исходя из подлинных исторических свидетельств апостольских времен, можно сделать вывод об изначальном существовании в каждой местной Церкви «совета пресвитеров» – своего рода вспомогательного органа при главе Евхаристической общины. Так, если община сильно разрасталась и одновременное присутствие всех ее членов на едином Евхаристическом собрании становилось невозможным, «председатель» мог разделить верующих на несколько собраний и поставить во главе каждого из них пресвитера, при этом удерживая за собой «наблюдение» над всей совокупностью собраний. Отсюда его наименование – епископ местной Церкви. Отдельные собрания стали общинами верующих определенной территории – церковными «приходами». Пресвитеры совершали Евхаристию как представители епископа и от его имени каждый раз при возношении Святых Даров поминая своего епископа, который оставался отцом верующих, носителем благодати, преемником апостолов и Самого Христа.

Разделение верующих на приходы и совершение Евхаристии пресвитерами нисколько не разрушало единства местной Церкви, не отрицало существенной единственности Евхаристии и единого тела Церкви, возглавляемой одним епископом «по образу и вместо Христа». Епископ – не просто преемник Христа и апостолов в смысле передачи юридических прав и не просто символ присутствия Христа в общине, «Дар Святого Духа», обретенный епископом через рукоположение, сообщает ему способность (независимо от его личных качеств) осуществлять евхаристическое единство Церкви, возможное благодаря присутствию в ней Самого Христа. При этом единство означает в церковном понимании вовсе не «сплоченность», «согласие» и «единодушие» отдельных людей как элементов общей структуры, но изменение образа бытия, преображение индивидуального выживания в общение любви, в жизнь вечную.

Евхаристия – не культово-религиозный ритуал, а совершающие ее епископ («по образу и вместо Христа») и священники («по образу и вместо» епископа) не образуют «клира» как обособленной от остальной массы верующих касты, чье «посредничество» необходимо для умилостивления Божества. Они воплощают в себе преобразующее жизнь единство общины, они – «отцы», «рождающие» людей для жизни бессмертной и нетленной, единой и в то же время разделенной между всеми, как в лоне семьи. Вовсе не случайно ранняя Церковь уподобила соединяющие общину узы семейному родству: председательствующий в Евхаристическом собрании назван отцом, члены Церкви – братьями. Различие заключается в том, что в семье единство жизни определяется родством по крови, выступающим как естественная охранительная взаимозависимость, в то время как жизненное единство Церкви есть плод свободы.

Подлинное единство и истинная свобода выражаются в совместном противостоянии жизненным трудностям и невзгодам. Благотворительная деятельность Церкви осуществлялась под руководством особых лиц –диаконов (букв. «служители»). С первых дней жизни Церкви в ней сложился институт диаконов (Деян. 6:1-7), избираемых народом и рукополагаемых апостолами на служение («диаконию») бедным, больным и прочим членам общины, нуждающимся в заботе и поддержке. Диаконы не совершают, даже от имени епископа, ни Евхаристии, ни других таинств. Они принимают некоторое участие в Евхаристической литургии, но основное их предназначение – помощь нуждающимся. Следовательно, для осуществления этой задачи необходимо особое посвящение, особый духовный дар. И в самом деле: в Церкви помощь страждущим есть проявление истины и жизни, а вовсе не признак утилитаристского альтруизма.

Благодать, получаемая диаконами через рукоположение, дается им для служения динамическому распространению Евхаристии на совокупную жизнь Евхаристического Тела: для того, чтобы преобразовать служение практическим потребностям выживания в «подлинную жизнь» как общение в любви согласно троичному прообразу бытия. Забота и попечение о неимущих в Церкви есть органическое следствие преобразования индивидуумов в личности, причастные жизни единого живого тела в качестве его членов. «Страдает ли один член, страдают с ним все члены» (1Кор.12,26). Мы в Церкви заботимся о неимущих не для того, чтобы победить и устранить бедность, болезни и нужды, не ради сражения со злом, не потому, что рационалистически программируем «улучшить» или облегчить условия выживания, но единственно из любви. В этом наше коренное отличие от всех видов государственного попечения и моралистической «филантропии». Оно упраздняется, если мы отвергаем истину Церкви, если видим в ней лишь «религию» и институт, отвечающий благочестивым настроениям и эмоциональным потребностям. В этом случае дело церковного милосердия используется как доказательство полезности «института», соперничающего с государственными органами социального обеспечения, и утопическим альтруизмом моралистов. Тогда благодать церковной диаконии остается необъяснимой: диаконское служение сводится к вокальному украшению литургии, совершаемому низшими чинами иерархии священства, младшими служащими епископской канцелярии.

http://azbyka.ru/hristianstvo/sut/vera_tcerkvi_12-all.shtml#a12_4

ТРОИЦКАЯ РОДИТЕЛЬСКАЯ СУББОТА

По Уставу Вселенской Православной Церкви накануне праздника Святой Пятидесятницы (Троицы) совершается заупокойное богослужение, как и в день первой Вселенской Родительской Субботы, бываемой на мясопустной седмице перед Неделей (Воскресением) о Страшном Суде. **Эта Родительская Суббота получила название Троицкой** и также, как и Мясопустная, предваряет собой вхождение в пост, который начинается через седмицу и именуется Апостольским.

Это поминовение усопших ведет свое начало со времен апостольских. Как об установлении мясопустной Родительской Субботы сказано, что «Божественные отцы прияли ее от священных апостолов», так можно сказать и о происхождении Троицкой Субботы. В словах св. ап. Петра, произнесенных им в день Пятидесятницы, есть важное указание на начало обычая поминовения усопших в день Пятидесятницы. Апостол в этот день, обращаясь к иудеям, говорит о Воскресшем Спасителе: *Бог воскресил Его, расторгнув узы смерти* (Деян. 2, 24). А постановления Апостольские повествуют нам о том, как апостолы, исполняясь Духом Святым в Пятидесятницу, проповедовали иудеям и язычникам Спасителя нашего Иисуса Христа, Судиею живых и мертвых. Поэтому Святая Церковь издревле призывает нас совершать перед

днем Пресвятой Троицы поминовение всех от века усопших благочестивых праотец, отец, братий и сестер наших, т. к. в день Пятидесятницы запечатлелось искупление мира освятительной силой Животворящего Пресвятого Духа, которая благодатно и спасительно простирается, как на нас,живущих, так и на умерших. Как в Мясопустную субботу, представляющую как бы последний день мира, так и в Троицкую, представляющую собой последний день Церкви Ветхозаветной перед раскрытием во всей силе царства Христова в День Пятидесятницы, Православная Церковь молится о всех усопших отцах и братиях. В самый же праздничный день возносит о них, в одной из молитв, воздыхание ко Господу: «Упокой, Господи, души рабов Твоих, прежде усопших отец и братий наших, и прочих сродников по плоти, и всех своих в вере, о них же и память творим ныне».

http://www.pravmir.ru/troickaya-vselenskaya-roditelskaya-subbota-2/#ixzz3b9cY36SH

Что нужно делать в Троицкую родительскую субботу. На службе в день Троицкой родительской субботы читается 17-ая кафизма. Поминаются все умершие христиане, а батюшки или священнослужители в Троицкую субботу поминают всех, находящихся в записках, которые оставляют прихожане церкви. Церковь утверждает, что такая общая молитва важна для усопших.

В этот день нужно обязательно сходить в церковь. В общей молитве, вместе со всеми, во время прохождения церковной службы, у Господа нужно попросить вечного упокоения душ и прощения для умерших родных.

Но если случилось так, что вы не посетили в этот день храм, эту молитву за усопших можно совершить дома, ведь молитва это то, что мы можем сделать для ушедших от нас родственников. Ваша молитва – это благодать и спасение для души умершего, поэтому, молитесь в этот день чаще, не скупитесь на молитвы. Прочитайте дома 17-ую кафизму и заупокойную молитву о ваших близких, родных и всех православных христианах. 17-ая кафизма – это 17 часть псалтыри (она разбита на 20 частей, в который всего 150 псалмв). Вамнужно прочитать-только 17 кафизму – или 118 псалом.

Также православные христиане в Троицкую родительскую субботу можно посетить могилы родственников на кладбище. Также там украшают зеленью их могилы. Но делать это нужно только после того, как усопших родственников помянули в церкви. Также принято считать, что умершие и ушедшие в мир иной молятся за нас тогда же, когда и мы молимся за них.

Самое главное, чтобы молитва в день Троицкой родительской субботы была осознанной, чтобы она не превратилась в формальность, впрочем тоже касается и самой родительской субботы..

Поминальная молитва нужна не только вашим усопшим родственникам, но и вам самим. Такая молитва, произнесенная в Троицкую субботу, может утолить те чувства переживания, любви, благодарности, жалости, вины или обиды, которые мы испытываем к умершим.

http://pravsobor.kz/1_shagi_v_hrame/pomin_dni/troitskaya-pominalnaya.html

ЧТО ТАКОЕ РОДИТЕЛЬСКАЯ СУББОТА

Родительские субботы (а их в церковном календаре несколько) — это дни особого поминовения усопших. В эти дни в православных храмах совершается особое поминовение умерших православных христиан. Кроме того по традиции верующие посещают могилы на кладбищах.

Название «родительская» скорее всего произошло от традиции называть покойных «родителями», то есть отошедшими к отцам. Еще одна версия — «родительскими» субботы стали именоваться, потому что христиане молитвенно поминали в первую очередь своих почивших родителей.

Среди прочих родительских суббот (а их в году семь) выделяют Вселенские, в которые Православная Церковь молитвенно поминает вообще всех крещеных христиан. Таких суббот две: Мясопустная (за неделю до Великого поста) и Троицкая (накануне праздника Пятидесятницы). Остальные родительсике субботы не относятся к вселенским и отведены специально для частного поминовения дорогих нашему сердцу людей.

СКОЛЬКО В ГОДУ РОДИТЕЛЬСКИХ СУББОТ

В календаре Русской Православной Церкви семь дней особого поминовения усопших. Все, кроме одного (9 мая — Поминовение усопших воинов), имеют переходящую дату.

Суббота мясопустная (Вселенская родительская суббота)
Суббота 2-й седмицы Великого поста
Суббота 3-й седмицы Великого поста
Суббота 4-й седмицы Великого поста
Радоница
9 мая — Поминовение усопших воинов
Суббота Троицкая
Суббота Димитриевская

РОДИТЕЛЬСКИЕ СУББОТЫ В 2015 ГОДУ

14 февраля — Суббота мясопустная (Вселенская родительская суббота)
7 марта — Суббота 2-й седмицы Великого поста
14 марта — Суббота 3-й седмицы Великого поста
21 марта — Суббота 4-й седмицы Великого поста
21 апреля — Радоница
9 мая — Поминовение усопших воинов
30 мая — Суббота Троицкая
7 ноября — Суббота Димитриевская

ЧТО ТАКОЕ ВСЕЛЕНСКИЕ РОДИТЕЛЬСКИЕ СУББОТЫ

Среди прочих родительских суббот (а их в году семь) выделяют Вселенские, в которые Православная Церковь молитвенно поминает вообще всех крещеных христиан. Таких суббот две: Мясопустная (за неделю до Великого поста) и Троицкая (накануне праздника Пятидесятницы). В эти два дня совершаются особые богослужения — вселенские панихиды.

ЧТО ТАКОЕ ВСЕЛЕНСКИЕ ПАНИХИДЫ

В родительские субботы Православная Церковь совершает вселенские или родительские панихиды. Словом «п**анихида» христиане называют заупокойное богослужение, на котором верующие молятся об упокоении умерших, испрашивают у Господа для них милосердия и прощения грехов.**

ЧТО ТАКОЕ ПАНИХИДА

Панихида в переводе с греческого значит «*всенощный». Это* заупокойное богослужение, на котором верующие молятся об упокоении умерших, испрашивают у Господа для них милосердия и прощения грехов.

ВСЕЛЕНСКАЯ (МЯСОПУСТНАЯ) РОДИТЕЛЬСКАЯ СУББОТА

Суббота мясопустная (Вселенская родительская суббота) — это суббота за неделю до начала Великого поста. Мясопустной она называется, потому что приходится на Мясопустную неделю (неделя перед Масленицей). Называют ее также Малой масленицей.

В этот день православные христиане поминают всех крещеных усопших от Адама до наших дней. В храмах служится вселенская панихида — «Память совершаемая всех от века усопших православных христиан, отец и братии наших».

ТРОИЦКАЯ РОДИТЕЛЬСКАЯ СУББОТА

Троицкая — это вторая вселенская родительская суббота (после Мясопустной), в которую Православная Церковь молитвенно поминает вообще всех крещеных христиан. Приходится она на субботу, предшествующую празднику Троицы, или Пятидесятницы. В этот день верующие приходят в храмы на особую вселенскую панихиду — «Память совершаемая всех от века усопших православных христиан, отец и братии наших».

РОДИТЕЛЬСКИЕ СУББОТЫ 2-Й, 3-Й И 4-Й СЕДМИЦ ВЕЛИКОГО ПОСТА

Во время Великого поста по Уставу не совершаются заупокойные поминовения (заупокойные ектении, литии, панихиды, поминовения 3-го, 9-го и 40-го дня по смерти, сорокоусты), поэтому Церковь выделила особые три дня, когда можно молитвенно вспомнить усопших. Это субботы 2-й, 3-й и 4-й недель поста.

РАДОНИЦА

Радоница, или Радуница, — это один из дней особого поминовения усопших, который приходится на вторник после Фоминой недели (второй недели после Пасхи). В Фомино воскресенье христиане вспоминают, как после воскресший Иисус Христос сошел во ад и победил смерть, и Радоница, непосредственно с этим днем связанная, тоже говорит нам о победе над смертью.

На Радоницу по традиции православные идут на кладбище, и там, у могилок своих родных и близких людей, славят Христа Воскресшего. Радоница, собственно, называется так именно по слову «радость», радостная весть о Воскресении Христовом

ПОМИНОВЕНИЕ УСОПШИХ ВОИНОВ — 9 МАЯ

Поминовение усопших воинов — это единственный день особого поминовения усопших в году, который имеет фиксированную дату. Это 9 мая, день победы в Великой Отечественной войне. В этот день после литургии в храмах служат панихиду о воинах, которые отдали свою жизнь за Родину.

ДИМИТРИЕВСКАЯ РОДИТЕЛЬСКАЯ СУББОТА

Димитриевская родительская суббота — суббота перед днем памяти святого великомученика Димитрия Солунского, который отмечается 8 ноября по новому стилю. Если день памяти святого приходится тоже на субботу, родительской все равно считается предыдущая.

Димитриевская родительская суббота стала днем особого поминовения усопших после победы русских воинов в Куликовой битве в 1380 году. Сначала в этот день поминали именно тех, кто погиб на поле Куликовом, потом, с течением веков, традиция менялась. В новгородской летописи XV века мы читаем о Димитриевской родительской субботы уже как о дне поминовения всех умерших.

ЗАУПОКОЙНОЕ ПОМИНОВЕНИЕ В РОДИТЕЛЬСКУЮ СУББОТУ

Накануне родительской субботы, то есть вечером в пятницу, в православных хармах служится великая панихида, которую также называют греческим словом «парастас». В саму субботу, утром, служат заупокойную Божественную литургию, после нее — общую панихиду.

На парастас или на заупокойную Божественную литургию можно подать записки об упокоении с именами близких вашему сердцу умерших. А еще в этот день, по старой церковной традиции, прихожане приносят в храм еду — «на канон» (или «на канун»). Это постные продукты, вино (кагор) для совершения литургии.

ЗАЧЕМ ПРИНОСЯТ ЕДУ «НА КАНУН»?

Отвечает протоиерей Игорь ФОМИН, настоятель храма святого благоверного князя Александра Невского при МГИМО:

— Приносить подукты в храм — «на канун» — это древняя практика совершения общих тризн, то есть поминовений усопших. По традиции, прихожане храма собирали больший общий стол, для того чтобы всем вместе вспомнить близких их сердцу умерших людей. Сейчас продукты, которые верующие приносят и кладут на специальный столик, идут потом на нужды прихода и на помощь малоимущим людям, которых приход опекает.

Мне кажется, это добрый обычай — помогать нуждающимся или облегчать бремя людей, которые служат в храме (конечно, это не только священнослужители, но и свечницы и все те, кто бесплатно, по воле сердца помогает в Доме Божием). Принося продукты в храм, мы и служим ближнему, и поминаем наших усопших.

МОЛИТВА ОБ УСОПШИХ

Упокой, Господи, души усопших раб Твоих: родителей моих, сродников, благодетелей (имена их) и всех православных христиан, и прости им вся согрешения вольная и невольная, и даруй им Царствие Небесное. Имена удобнее прочитывать по помяннику – небольшой книжечке, где записываются имена живых и усопших сродников. Существует благочестивый обычай вести семейные помянники, прочитывая которые и в домашней молитве, и во время церковного богослужения, православные люди поминают поименно многие поколения своих усопших предков.

МОЛИТВА ОБ УСОПШЕМ ХРИСТИАНИНЕ

Помяни, Господи Боже наш, в вере и надежди живота вечнаго преставльшагося раба Твоего, брата нашего (имя), и яко Благ и Человеколюбец, отпущаяй грехи, и потребляяй неправды, ослаби, остави и прости вся вольная его согрешения и невольная, избави его вечныя муки и огня геенскаго, и даруй ему причастие и наслаждение вечных Твоих благих, уготованных любящым Тя: аще бо и согреши, но не отступи от Тебе, и несумненно во Отца и Сына и Святаго Духа, Бога Тя в Троице славимаго, верова, и Единицу в Троице и Троицу во Единстве, православно даже до последняго своего издыхания исповеда. Темже милостив тому буди, и веру, яже в Тя вместо дел вмени, и со святыми Твоими яко Щедр упокой: несть бо человека, иже поживет и не согрешит. Но Ты Един еси кроме всякаго греха, и правда Твоя, правда во веки, и Ты еси Един Бог милостей и щедрот, и человеколюбия, и Тебе славу возсылаем Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

http://foma.ru/roditelskie-subbotyi.html

Апостольский пост

Ольга Богданова

Не так давно закончился Великий Пост, прошла Пасха, Троица и Пятидесятница. И вот снова начинается пост. Почему?

Если посмотреть православный календарь, окажется, что большая часть дней в году постные. И хотя продолжительность того же Петровского (или апостольского) поста различна, ситуация не меняется.

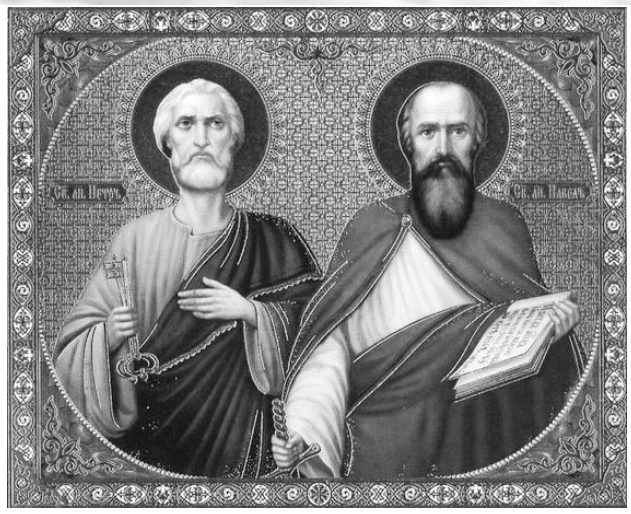
Петровской пост может продолжаться от одной недели и одного дня до шести недель. Зависит это от даты Пасхи, поскольку она меняется каждый год, а от нее отсчитывается начало Петровского поста (первый понедельник после Пятидесятницы).

У этого летнего поста несколько названий: пост Пятидесятницы (потому что он неразрывно связан с этим праздником), Петровский (потому что заканчивется в день Петра и Павла), Апостольский (потому что был установлен апостолами).

С Пятидесятницей он связан не только из-за расчета дней. Связь гораздо глубже. В Праздники поста не бывает, потому что Праздник – это радость, а пост – время работы над собой.

После того, как в день Пятидесятницы Святой Дух сошел на Апостолов, они пребывали в посте и молитве, готовясь ко всемирной проповеди Евангелия. Рассказать всем Миру о том, что произошло на Святой Земле и что заповедал Христос было трудной задачей. И ученики Христа собирались с силами перед тем, как отправиться в путь.

Пасху и Пятидесятницу мы празднуем каждый год. И каждый год, переживая описанные в Священном Писании события, мы внутренне проживаем все то, что происходило тогда. И каждый год, руководствуясь духовным опытом святых (в том числе Апостолов), вступаем на путь самосовершенствования. Можно спросить: раз это так важно, почему бы не поститься целый год? Или, напротив. почему нельзя все дни пребывать в радости?



За время христиане накопили богатый духовный опыт. Известно, что время от времени человеку просто необходима «передышка», небольшой отдых, иначе он просто не выдержит. Одного старца спросили о том, почему он, христианин, который учит серьезным вещам, время от времени шутит и рассказывает ученикам веселые истории. Старец уподобил человека натянутой тетиве. Если тетива расслаблена, она провисает и ни на что не годна, если ее натянуть, можно пустить стрелу. Но если натянуть тетиву сильнее или долгое время не распускать ее, она порвется. Так же и человек.

Что удивительно, в радости происходит то же самое. Человек не может вынести непрестанной радости, особенно такой сильной, как духовная. Для этого тоже нужно набраться соответствующего опыта. Поэтому и здесь требуется перерыв. Вот и получается, что дни в году распределены соответственно нашим силам: и для духовной радости, и для духовного труда.

«После продолжительного праздника Пятидсятницы пост особенно необходим, чтобы подвигом его очистить нам мысли и соделаться достойными даров Святого Духа, – пишет святой Лев Великий. – За настоящим празднеством, которое Дух Святой освятил Своим сошествием, обыкновенно следует всенародный пост... Ибо мы не сомневаемся, что после того, как апостолы исполнились обетованною свыше силой и Дух истины вселился в сердца их, между прочими тайнами небесного учения, по внушению Утешителя, преподано также учение и о духовном воздержании, чтобы сердца, очищаясь постом, делались способнейшими к принятию благодатных дарований... нельзя сражаться с предстоящими усилиями гонителей и яростными угрозами нечестивых в изнеженном теле и утучненной плоти, поскольку то, что услаждает нашего внешнего человека, разрушает внутреннего, и напротив, разумная душа тем больше очищается, чем больше умертвляется плоть».

Святой Лев Римский пишет: «Из апостольских правил, которые внушил Сам Бог, первостоятели церковные, по внушению Святого Духа, первым поставили то, чтобы все подвиги добродетели начинать с поста».

Получается, пост просто необходим не только, чтобы измениться в лучшую сторону, но и чтобы сохранить в себе ту радость, те дары, которые мы получаем во время таких больших Праздников, как Пятидесятница, Троица и, конечно Пасха.

Конечно, суть поста не в еде, потому что это не диета. Главное – стремиться всем своим существом обратиться к Богу, к горнему, и отойти от земного, дольнего, преходящего. Первая ассоциация с постом – еда. Да, конечно. Потому что именно с борьбы с чревоугодием подвижники советовали начинать борьбу со страстями. особое пристрастие к еде – это как основа, на которой утверждаются все остальные пороки (это заметили еще античные философы). Поэтому самый эффективный способ борьбы – избавиться от корня, причины. «Первой нам надо попрать похоть чревоугодия, – и ум свой утончит не только постами, но и бдениями, а также чтением и непрестанным сокрушением сердца», – писал Прп. Иоанн Кассиан Римлянин.

Постное «меню» – это способ борьбы с грехом, но никак не цель. Другая важная составляющая поста – исповедь и причастие. В этих таинствах человек очищает свою душу от грехов и получает от Бога силу для борьбы с пороками.

О Петровском посте говорится уже в так называемых Постановлениях Апостольских – своде правил, который был составлен в первые времена христианства: «После Пятидесятницы празднуйте одну седмицу, а потом поститесь; справедливость требует и радоваться по принятии даров от Бога, и поститься после облегчения плоти».

С IV века об этом летнем посте говорят многие Свв. Отцы: Афанасий Великий, Амвросий Медиоланский, Лев Великий и Феодорит Кирский.

Св. Афанасий Великий напрямую связывал несоблюдение поста с постигшими людей бедствиями: «Народ, постившийся в неделю, следующую за св. Пятидесятницею, отошел для молитвы на кладбище».

Русь переняла многие православные традиции у Византии. И утверждение Петровского поста тоже связано с событиями, которые произошли в Константинополе. Когда в столице империи освятили храм во имя апостолов Петра и Павла (в день их памяти), их праздник стал отмечаться с особой торжественностью. И предшествующий ему пост воспринимался не только как время сохранения духовной чистоты и наполненности после Пятидесятницы, но и как подготовка к празднику.

СВЯТИТЕЛЬ ИОАНН, МИТРОПОЛИТ ТОБОЛЬСКИЙ И ВСЕЯ СИБИРИ

Святитель Иоанн, митрополит Тобольский и всея Сибири, чудотворец, в миру Иоанн Максимович, родился в городе Пежине в 1651 году. У его отца Максима Васильевича и матери Евфросинии было семеро сыновей, из которых Иоанн был старший. По окончании Киево-Могилянской Коллегии (позже преобразованной в Киевскую духовную академию) будущий Святитель был оставлен при ней учителем латинского языка. Тогда же, в 1680 году, он принял в Киево-Печерской обители монашество и углубился в подвиг внутреннего делания. С общего согласия братства молодому иноку поручили ответственное послушание проповедника. С того времени и раскрываются его исключительный талант красноречия и благодатные дарования. Он придавал особое значение внутреннему религиозному самопознанию. Сразу же определилась и главная тема его жизни: "Как человек должен свою волю согласовывать с волей Божией?" Ее он развивал и в проповедях, и в своем последующем миссионерском служении. Ответом на нее явился труд, изданный в конце его долгой подвижнической жизни под названием "Илиотропион" ("Подсолнечник"), или сообразование человеческой воли с Божественною волею". Из многочисленных творений святых отцов Православной Церкви оно наиболее полно отвечает на этот большой вопрос христианской сотериологии.

В 1685 году его отправили с посольством в Москву. Там Патриархом Иоакимом (1674 - 1690) он был назначен наместником Брянского Свенского монастыря, подчиненного тогда Киево-Печерской Лавре.

Святитель Феодосий, архиепископ Черниговский, в 1695 году, незадолго до своей кончины (+ 1696, память 5 февраля), назначил иеромонаха Иоанна архимандритом Черниговского Елецкого монастыря и наметил его своим преемником по кафедре. (Святитель Иоанн благоговел к памяти святителя Феодосия.. веруя в силу его молитвенного предстательства пред Господом, и по своей вере получил благодатное исцеление от тяжелой болезни по молитвам святителя Феодосия. В самый разгар болезни ему явился святитель Феодосии и сказал: "Служи завтра - и будешь здоров". На другой день святитель, совершенно здоровый, к удивлению всех отслужилБожественную литургию. Чудо исцеления святителя Иоанна послужило началом чествования святителя Феодосия как благодатного угодника Божия.)

10 января 1697 года Патриарх Московский и всея Руси Адриан (1690 - 1700) с собором епископов хиротонисалархимандрита Иоанна во епископа Черниговского в Большом Успенском соборе Московского Кремля.

По вступлении в управление епархией епископ Иоанн создает при Черниговской архиерейской кафедре Коллегиум, подобно Киевской академии, который, по мысли Святителя, должен был украсить "Черниговские Афины" - школу просвещенного благочестия.

Ввиду высокого уровня Богословского образования и воспитания школа святителя Иоанна получила широкую известность.По существу, это была первая семинария в России, по образцу которой стали открываться духовные семинарии в других епархиях Русской Церкви.

Тогда же Святитель открыл типографию, в которой он и его преемники издали много сочинений духовно-нравственного содержания.

Жизнь святителя Иоанна светилась высокими добродетелями, особенно же смирением. Она отобразилась и в его творениях: "Нравоучительное зерцало" (Чернигов, 1703 и 1707), "Алфавит, рифмами сложенный" (1705 г.), "Богородице Дево" (1707 г.), "Феатрон, или позор нравоучительный" (1708), "Толкование на 50-й псалом" (Чернигов, 1708), "Толкование на "Отче наш" и "Осмь блаженств евангельских" (1709 г.), "Царский путь Креста" (Чернигов, 1709 г.), "Богомыслие в пользу правоверным" (1710 и 1711 гг.), "Синаксарь о победе под Полтавою" (1710 г.), "Путник" (рукопись), "Духовные мысли" (М„ 1782).

В Чернигове в 1714 году Святитель впервые издал и свой главный труд, написанный на латинском языке. (Особенностью выпускников Киевской школы было то, что свои сочинения они писали на классической латыни. Профессор И. А. Максимович в 1888 году перевел "Илиотропион" на современный русский язык и издал вначале по частям в "Черниговских епархиальных ведомостях", затем отдельной книгой - Киев, 1896. Сокращенный вариант опубликован в "Журнале Московской Патриархии", 1976, №№ 5, 6). С его именем связан также "Латино-греко-российский лексикон".

Известна связь святителя Иоанна со Святой Горой Афон. Он принимал особенно горячее участие в судьбе русских насельников Святой Горы, оказывая им существенную материальную помощь в те тяжелые годы. Сохранилась его архиерейская грамота в Русском Пантелеимоновом монастыре, свидетельствующая об его отношении к святогорцам.

14 августа 1711 г. святитель Иоанн по возведении в сан митрополита прибыл на кафедру Тобольскую и всея Сибири. Святитель неустанно заботился о просвещении своей епархии. Там он продолжил дело, начатое в Чернигове: усовершенствовал школу, открытую его предшественником, знаменитым миссионером митрополитом Филофеем (Лещинским; + 1727), продолжил апостольскую проповедь среди язычников Сибири, обратив ко Христу многие тысячи людей. В 1714 году святитель Иоанн отправил в Пекин миссию во главе с архимандритом Иларионом (Лежайским). В Тобольске он вновь приступил к издательскому делу, использовав созданную им в Чернигове типографию. К тому времени относится издание митрополитом Иоанном "Илиотропиона" на славяно-русском языке (1714 г.), чтобы его понимали и сибиряки.

О жизни Святителя в Сибири летописец говорит: "Был тих, скромен, благорассудлив, о бедных сострадателен, милостив".

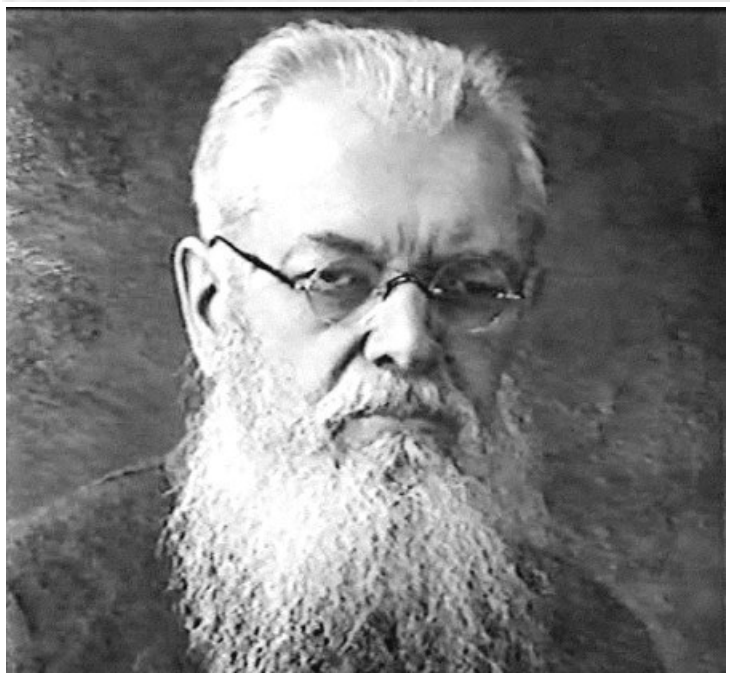
Часто он помогал людям. Тайно, а иногда в одежде простого инока приносил в дома нуждавшихся щедрую милостыню со словами: "Приимите во Имя Иисуса Христа". Его дом в Тобольске всегда был открыт для всех нуждавшихся в помощи и слове утешення. Даже в день преставления, 10 июня 1715 года, святитель Иоанн после Божественной литургии, как это было в обычае у него и раньше, устроил в своем доме трапезу для духовенства и бедняков и сам прислуживал за столом. Затем, простившись со всеми. Святитель удалился в свои покои и во время благовеста к вечерне скончался в молитве, стоя на коленях. Святитель был погребен в приделе святителя Иоанна Златоуста Тобольского Успенского-Софийского собора.

Святитель Иоанн издавна чтится в Сибири. Ввиду многочисленных чудес и давнего местного почитания памяти святителя Иоанна в 1916 году Церковь установила всероссийское празднование в день преставления Святителя к Богу - 10 июня.

Память о святителе Иоанне бережно хранят сибиряки и все верующие русские люди. Он и поныне почивает в тобольском соборе Покрова Божией Матери. Служба ему была переиздана по благословению Святейшего Патриарха Алексия митрополитом Варфоломеем (Городцовым) в 1947 году в городе Новосибирске.

http://days.pravoslavie.ru/Life/life1275.htm

СВЯТИТЕЛЬ ЛУКА, ИСПОВЕДНИК, АРХИЕПИСКОП СИМФЕРОПОЛЬСКИЙ



День памяти 11 июня .

Святитель Лука (в миру Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий) родился в 1877 году в городе Керчи, в Крыму, в дворянской семье польского происхождения. С детства он увлекался живописью и решил поступить в Санкт-Петербургскую академию художеств. Однако во время вступительных экзаменов им овладело сомнение, и он решил, что не имеет права делать то, что нравится, а нужно трудиться, чтобы облегчить страдания ближнего. Так, прочитав слова Спасителя о делателях жатвы (см.: Мф. 9: 37), он воспринял призыв служить людям Божиим.

Валентин решил посвятить себя медицине и поступил на медицинский факультет Киевского университета. Талант художника помогал ему в скрупулезных анатомических исследованиях. Он блестяще закончил обучение (1903) накануне русско-японской войны, и его карьера врача началась в госпитале в городе Чите. Там он познакомился и сочетался браком с сестрой милосердия, у них родилось четверо детей. Затем он был переведен в больницу города Ардатова Симбирской губернии, а позже в Верхний Любаж Курской губернии.

Работая в больницах и видя последствия, которые бывают при общей анестезии, он пришел к заключению, что в большинстве случаев ее необходимо заменить на местный наркоз. Несмотря на скудное оснащение в больницах, он успешно провел большое число хирургических операций, что привлекло к нему и пациентов из соседних уездов. Он продолжил работать хирургом в селе Романовка Саратовской области, а затем был назначен главным врачом больницы на 50 коек в Переславле-Залесском. Там он по-прежнему много оперировал, продолжая вести научные исследования.

В 1916 году в Москве Валентин Феликсович успешно защитил докторскую диссертацию на тему местной анестезии и начал работать над большой монографией по гнойной хирургии. В 1917 году, когда в больших городах гремели раскаты революции, он был назначен главным врачом Ташкентской городской больницы и поселился с семьей в этом городе. Вскоре супруга его скончалась от туберкулеза. Во время ухода за умирающей в голову ему пришла мысль просить свою операционную сестру взять на себя заботу по воспитанию детей. Она согласилась, а доктор Валентин смог продолжать свою деятельность как в больнице, так и в университете, где он вел курс анатомии и хирургии.

Он часто принимал участие в диспутах на духовные темы, где выступал с опровержениями тезисов научного атеизма. По окончании одного из таких собраний, на котором он долго и вдохновенно выступал, епископ Иннокентий отвел его в сторону и сказал: «Доктор, вам надо быть священником». Хотя Валентин никогда и не помышлял о священстве, он тотчас принял предложение иерарха. В ближайшее же воскресенье он был рукоположен в диакона, а через неделю возведен в сан иерея.

Он одновременно трудился как врач, как профессор и как священник, служа в соборе только по воскресеньям и приходя на занятия в рясе. Он совершал не так много служб и таинств, но усердствовал в проповедничестве, а свои наставления дополнял духовными беседами на животрепещущие темы. Два года подряд он участвовал в общественных диспутах с отрекшимся священником, ставшим руководителем антирелигиозной пропаганды в регионе и умершим впоследствии жалкой смертью.

В 1923 году, когда так называемая «Живая церковь» спровоцировала обновленческий раскол, внеся раздоры и смущение в лоно Церкви, епископ Ташкентский вынужден был скрыться, возложив управление епархией на отца Валентина и еще одного протопресвитера. Ссыльный епископ Андрей Уфимский (кн. Ухтомский), находясь в городе проездом, одобрил избрание отца Валентина в епископат, совершенное собором духовенства, сохранившего верность Церкви. Потом тот же епископ постриг Валентина в его комнате в монахи с именем Лука и отправил в небольшой городок недалеко от Самарканда. Здесь жили два ссыльных епископа, и святитель Лука в строжайшей тайне был хиротонисан (18 мая 1923 г.). Через полторы недели после возвращения в Ташкент и после своей первой литургии он был арестован органами безопасности (ГПУ), обвинен в контрреволюционной деятельности и шпионаже в пользу Англии и осужден на два года ссылки в Сибирь, в Туруханский край.

Путь в ссылку проходил в ужасающих условиях, но святой врач провел не одну хирургическую операцию, спасая от верной смерти страждущих, которых ему приходилось встречать на своем пути. В ссылке он также работал в больнице и сделал много сложных операций. Он имел обыкновение благословлять больных и молиться перед операцией. Когда же представители ГПУ попытались запретить ему это, они натолкнулись на твердый отказ епископа. Тогда святителя Луку вызвали в управление госбезопасности, дали полчаса на сборы и отправили в санях на берег Ледовитого океана. Там он зимовал в прибрежных поселениях.

В начале Великого поста его отозвали в Туруханск. Доктор вернулся к работе в больнице, так как после его высылки она лишилась единственного хирурга, что вызвало ропот местного населения. В 1926 году он был освобожден и вернулся в Ташкент.

На следующую осень митрополит Сергий назначил его сначала в Рыльск Курской епархии, затем в Елец Орловской епархии в качестве викарного епископа и, наконец, на Ижевскую кафедру. Однако по совету митрополита Арсения Новгородского владыка Лука отказался и попросился на покой – решение, о котором он горько пожалеет впоследствии.

Около трех лет он спокойно продолжал свою деятельность. В 1930 году его коллега по медицинскому факультету профессор Михайловский, потеряв рассудок после смерти сына, решил оживить его с помощью переливания крови, а затем покончил жизнь самоубийством. По просьбе вдовы и учитывая психическую болезнь профессора, владыка Лука подписал разрешение захоронить его по церковному обряду. Коммунистические власти воспользовались этой ситуацией и обвинили епископа в пособничестве убийству профессора. По их мнению, владыка из религиозного фанатизма помешал Михайловскому воскресить усопшего с помощью материалистической науки.

Епископ Лука был арестован незадолго до разрушения церкви святого Сергия, где проповедовал. Его подвергали непрерывным допросам, после которых уводили в душный карцер, что подорвало его и без того пошатнувшееся здоровье. Протестуя против бесчеловечных условий содержания, святитель Лука начал голодовку. Тогда следователь дал слово, что отпустит его, если он прекратит голодовку. Однако он не сдержал слова, и епископ был осужден на новую трехлетнюю ссылку.

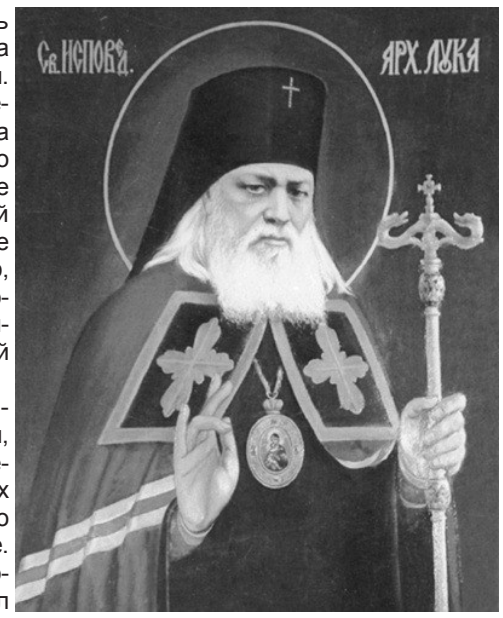
Снова путь в ужасающих условиях, после которого работа в больнице в Котласе и Архангельске с 1931 по 1933 год. Когда у владыки обнаружилась опухоль, он отправился на операцию в Ленинград. Там однажды во время службы в церкви он пережил потрясающее духовное откровение, напомнившее ему начало его церковного служения. Затем епископа перевели в Москву для новых допросов и сделали интересные предложения относительно научных исследований, но при условии отречения от сана, на что святитель Лука ответил твердым отказом.

Освобожденный в 1933 году, он отказался от предложения возглавить свободную епископскую кафедру, желая посвятить себя продолжению научных исследований. Он вернулся в Ташкент, где смог работать в небольшой больнице. В 1934 году был опубликован его труд «Очерки гнойной хирургии», ставший вскоре классикой медицинской литературы.

Во время работы в Ташкенте владыка заболел тропической болезнью, которая привела к отслоению сетчатки глаз. Тем не менее он продолжал врачебную деятельность вплоть до 1937 года. Жестокие репрессии, учиненные Сталиным не только против правых оппозиционеров и религиозных деятелей, но также и против коммунистических деятелей первой волны, заполнили миллионами людей концлагеря. Святитель Лука был арестован вместе с архиепископом Ташкентским и другими священниками, сохранившими верность Церкви и обвиненными в создании контрреволюционной церковной организации.

Святитель был подвергнут допросу «конвейером», когда 13 дней и ночей в ослепляющем свете ламп следователи, сменяя друг друга, беспрерывно вели допрос, вынуждая его оговорить себя. Когда епископ начал новую голодовку, его, обессиленного, отправили в казематы госбезопасности. После новых допросов и пыток, истощивших его силы и приведших в состояние, когда он уже не мог контролировать себя, святитель Лука дрожащей рукой подписал, что признает свое участие в антисоветском заговоре.

Так в 1940 году он в третий раз был отправлен в ссылку, в Сибирь, в Красноярский край, где после многочисленных прошений и отказов смог добиться разрешения работать хирургом и даже продолжить в Томске научные исследования. Когда произошло вторжение гитлеровских войск и началась война (1941), стоившая миллионов жертв, святитель Лука был назначен главным хирургом красноярского госпиталя, а также ответственным за все военные госпитали края. При этом он служил епископом в епархии края, где, как гордо сообщали коммунисты, не осталось ни одной действующей церкви.



Митрополит Сергий возвел его в сан архиепископа. В этом сане он принял участие в Соборе 1943 года, на котором был избран патриархом митрополит Сергий, а сам святитель Лука стал членом постоянного Синода.

Так как во время войны религиозные преследования несколько ослабли, он приступил к обширной программе возрождения религиозной жизни, с удвоенной энергией отдавшись проповедничеству. Когда красноярский госпиталь был переведен в Тамбов (1944), он поселился в этом городе и управлял епархией, в то же время работая над публикацией различных медицинских и богословских трудов, в частности апологии христианства против научного атеизма, озаглавленной «Дух, душа и тело». В этой работе святитель защищает принципы христианской антропологии при помощи твердых научных аргументов.

В феврале 1945 года за архипастырскую деятельность святитель Лука был награжден правом ношения креста на клобуке. За патриотизм он удостоился медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 г.».

Через год архиепископ Тамбовский и Мичуринский Лука стал лауреатом Сталинской премии первой степени за научную разработку новых хирургических методов лечения гнойных заболеваний и ранений, изложенных в научных трудах «Очерки гнойной хирургии» и «Поздние резекции при инфицированных огнестрельных ранениях суставов».

В 1946 году он был переведен в Крым и назначен архиепископом Симферопольским. В Крыму он был вынужден прежде всего бороться с нравами местного духовенства. Он учил, что сердце священника должно стать огнем, излучающим свет Евангелия и любви ко Кресту, будь то слово или собственный пример. Из-за болезни сердца святитель Лука был вынужден прекратить оперировать, но продолжал давать бесплатные консультации и оказывать помощь местным врачам советами. По его молитвам произошло множество чудесных исцелений.

В 1956 году он полностью ослеп, но по памяти продолжал служить Божественную литургию, проповедовать и руководить епархией. Он мужественно противостоял закрытию церквей и различным формам преследований от властей.

Под грузом прожитого, исполнив дело свидетельства о Господе, Распятом во имя нашего спасения, епископ Лука мирно упокоился 29 мая (11 июня) 1961 года. На его похоронах присутствовало все духовенство епархии и огромная толпа людей, а могила святителя Луки вскоре стала местом паломничества, где по сей день совершаются многочисленные исцеления.

Составитель — иеромонах Макарий Симонопетрский,

http://www.pravoslavie.ru/put/54169.htm

История Православной Церкви

Дворкин Александр Леонидович.

(Очерки по истории Вселенской Православной Церкви)

(Продолжение. Начало в № 27-68)

После смерти Ивы Эдесского (457 г.) Эдесская школа - сердце сирийского богословия и культуры - переехала в Нисибин, на персидскую территорию. Новая Нисибинская школа внесла весомый вклад в интеллектуальное развитие и миссионерское распространение несторианского христианства под началом "великого митрополита-католикоса" Селевкие-Ктесифонского. Оставшаяся в Эдессе школа была лишь тенью прежней, так что ее закрытие императором Зеноном (489 г.) прошло незамеченным. Тем временем в Египте халкидонский папа Тимофей Салофакиол удерживал свою кафедру лишь при помощи имперских войск.

После смерти императора Льва (474 г.) положение в Империи было неспокойным: в 474 г. воцарился Зенон, но через год он был свергнут своим шурином Василиском. Тот продержался на троне год, до сентября 476 г., а затем был сам сброшен набравшим силу Зеноном.

Эта династическая нестабильность наглядно продемонстрировала угрозу, которую христологические диспуты представляли для единства Империи. На этой ступени кризиса ни одна из соперничающих группировок не подвергала сомнению роль Империи в поддержании христианского единства. Время, когда монофизитство сделается символом этнического или культурного самоопределения сирийцев, коптов и армян, было еще далеко впереди. Конечно, элементы культурного сепаратизма существовали в Египте с самого начала римского завоевания, и христианские архиепископы, так же как и монашеские массы, использовали его в своих интересах. Но все ведущие личности египетской Церкви, в том числе св. Кирилл, Диоскор и Тимофей Кот, стремились использовать имперскую систему всякий раз, когда ее позиция совпадала с их интересами. Более того, как уже неоднократно отмечалось, все лидеры монофизитского лагеря, включая Евтиха, Диоскора, Тимофея Кота, Петра Сукновальщика, Петра Монга и позже великого Севира Антиохийского, были греками по языку и культуре.

Следовательно, Империя имела шанс восстановить единство тем же способом, каким Феодосий Великий восстановил единство Церкви после арианских раздоров. Это могло бы стать возможным, если бы имперская политика руководствовалась квалифицированными богословскими советами, как и при Феодосии, советниками которого являлись каппадокийцы. Но, если шанс на примирение и существовал, он не был использован. Обе стороны при возможности прибегали к грубой силе, что лишь углубляло и расширяло раскол.

Именно в это время императоры ввели новый метод приложения своей власти в церковных делах: публикация имперских изложений веры, якобы лишь выражавших всеобщее мнение. На самом деле такие указы, будучи орудием церковной политики императоров, вводились административными методами с применением всех соответствующих механизмов, которыми располагала Империя. Формально такие эдикты не претендовали на изложение вероучительных доктрин наподобие соборных постановлений: это было лишь мнение императора, выраженное в письме той или иной церкви, как бы подводящее черту под учением прошедших соборов. Однако такое различие было сугубо теоретическим, и сами эти попытки были чистым выражением цезарепапизма. Но интересно, что ни одна подобная попытка, исходила ли она от православного императора или от еретика, сама по себе церковно не принималась.

Первым из таких документов была "Энциклика" узурпатора Василиска. Стремясь укрепить свою позицию после свержения халкидонца Зенона, Василиск решил оказать поддержку монофизитам. Он написал письмо к ссыльному Александрийскому архиепископу Тимофею Коту, в котором объявлялось, что вера отцов была во всей полноте выражена в Никее, Константинополе и Эфесе; томос папы Льва и деяния Халкидонского Собора объявлялись "нововведением". В "Энциклике" говорилось, что тот, кто дерзнет выступать за халкидонскую веру, будет наказан ссылкой, конфискацией имущества и другими суровыми наказаниями.

Тимофей вернулся из Крыма, был торжественно встречен в Константинополе и проследовал в Эфес, где под его председательством состоялся епископский собор, на котором был отменен 28-й канон Халкидона, дающий право константинопольским архиепископам хиротонисать эфесских митрополитов. Затем Тимофей с триумфом въехал в Александрию. Его торжество было настолько всеобъемлющим, что он мог позволить себе проявить великодушие к Тимофею Салофакиолу: разрешил ему мирно удалиться в халкидонский монастырь Канопус и даже назначил небольшую пенсию. Тело Диоскора было перенесено в Александрию, где немедленно стало почитаться как мощи святого исповедника. Петр Сукновальщик был возвращен в Антиохию. В Иерусалиме преемник Ювеналия Анастасий подписал "Энциклику".

Такое развитие событий показало, что практически весь восточный епископат состоял либо из откровенных противников Халкидона, либо из так называемых "колеблющихся", которые могли поддержать Халкидон во время правления Льва и отвергнуть его во время правления Василиска. Однако сопротивление началось в двух Римах. Акакий, патриарх Константинопольский (471-489 гг.), немедленно предпринял ряд очень резких мер протеста. Он отказался подчиниться императору и принять Тимофея Кота во время его пребывания в столице. Он призвал на помощь знаменитого подвижника Даниила Столпника, который даже сошел со своего столпа, назвал Василиска "вторым Диоклетианом" и пригрозил ему вечным наказанием. По всему городу прошли крестные ходы. Патриарх и св. Даниил возглавляли их и произносили пламенные проповеди против Василиска. Римский папа Симплиций высказал полную поддержку Константинополю.

Василиск перепугался такой реакции и вскоре опубликовал "Анти-Энциклику", где отменил "Энциклику" и взял все свои слова обратно. Там также говорилось: "Акакий, благочестивейший и святейший патриарх и архиепископ, должен быть восстановлен в своих правах и совершать хиротонии во всех областях, которые ранее были подчинены кафедре этого славного имперского города". Но было уже поздно: через несколько дней Василиск был свергнут Зеноном (сентябрь 476 г.), который принял строгие меры против монофизитов: Петр Сукновальщик Антиохийский, Павел Эфесский и Тимофей Кот были низложены и отправлены в ссылку. Правда, Тимофей Кот вскоре умер, а на его место был поставлен убежденный антихалкидонец Петр Монг, действовавший в подполье. Конечно, раскол в египетской Церкви продолжался, причем подавляющее большинство стояло за Петра Монга.

4. Новое имперское правительство, утвердившись в Константинополе, естественно, попыталось найти способы для стабилизации церковного положения. Оно предприняло строгие меры против монофизитов, однако было ясно, что в долгосрочной перспективе этого недостаточно. Положение было весьма напряженным буквально в каждом восточном патриархате. Рукоположенный Акакием Каландион Антиохийский даже не смог занять свою кафедру. Мартирий Иерусалимский - преемник Анастасия, подписавшего "Энциклику", - опубликовал весьма двусмысленное окружное послание, в котором только три Собора - Никейский, Константинопольский и Эфесский - объявлялись каноническими. Однако хуже всего дело обстояло в Александрии. После кончины Тимофея Салофакиола (481 г.) стало очевидным, что покуда Петр Монг не признан законным архиепископом, мира не будет. Подавляющее большинство отказывалось признавать любого другого кандидата, а особенно Иоанна Талайю - халкидонского священника и монаха из Канопуса, избранного преемником Тимофея. Он оказался неудачным кандидатом, сразу же резко восстановил против себя все местное население и к тому же поссорился с Константинопольским патриархом Акакием, чем лишил себя имперской поддержки. Его избрание было объявлено незаконным, а Зенон и Акакий ради мира церковного попробовали пойти на примирение с Петром Монгом. Иоанн бежал в Рим.

Многие подозревают Акакия в тайном монофизитстве. Во всяком случае, этой версии придерживались папы римские во время его конфликта с ними. На самом деле, как показывает предыдущая история, его смелое противостояние Василиску и его тогдашние письма с осуждением богословских позиций Петра Сукновальщика и Петра Монга, он был убежденным халкидонцем. Но он был и искушенным дипломатом, который знал, что не всего можно добиться твердостью и иногда нужно проявлять и гибкость. Ради достижения мира церковного он был готов пойти на тактические уступки, если будет сохранено главное.

Итак, 28 июля 482 г. император Зенон направил Александрийской Церкви письмо под названием "**Энотикон**". Там император, не называя никого по имени, выражал свое стремление к единству и заявлял, что он и все Церкви принимают только Никео-Цареградский символ и что на 3-м Соборе в Эфесе Несторий был осужден на основании этого символа:

"Мы содержим вероопределения Никейского 325 г. и Константинопольского 381 г. соборов и все, что сделано в Эфесе (?) против Нестория и против иных, кои позднее думали так же, как и он..."

Но тут же император анафематствует Евтиха, не уточняя, какой собор его осудил, объявляет о принятии 12 анафем св. Кирилла и излагает свою веру, где очень тщательно избегает любого упоминания о природах, одной или двух, ипостасях или просопонах. Правда, там говорится, что Христос единосущен Отцу по Божеству и единосущен нам по человечеству.

Вот его основная часть: "Да будет вам ведомо, что мы и повсюду сущие церкви не принимали, не приемлем и не будем принимать иного символа или вероопределения, кроме св. символа, изреченного 318 отцами, подтвержденного 150 приснопамятными отцами, коему последовали и свв. отцы, собравшиеся в Эфесе, ниспровергшие нечестивого Нестория и его единомышленников. Оного Нестория, а равно и Евтиха, мудрствующих противно вышесказанному, и мы анафематствуем, приемля 12 глав, изреченных блаженной памяти Кириллом Александрийским.

Исповедуем также, что Единородный Сын Божий и Бог, поистине вочеловечившийся Господь наш Иисус Христос, единосущный Отцу по Божеству и единосущный нам по человечеству, снисшедший и воплотившийся от Марии Девы Богородицы - есть Един, а не два.

Которому мы приписываем чудеса и страдания, которые он добровольно потерпел плотию. А разделяющих или сливающих, или вводящих призрачность, вовсе не приемлем, ибо безгрешное поистине воплощение от Богородицы не произвело в Сыне прибавления".

Итак, в документе содержится не только кирилловское провозглашение единства Христа, включая теопасхитскую формулу ("Которому мы приписываем чудеса и страдания, которые он добровольно потерпел плотию") и осуждение учения о "двух сынах", но также и положение, важное для халкидонцев и отвергаемое евтихианами, что Христос "единосущен нам по человечеству". Однако положение, содержащееся как в томосе папы Льва, так и в Халкидонском оросе - что как Божество, так и человечество Христа "сохраняют все свои особенности", - было опущено.

Хотя эта часть документа формально бесспорна, в нем содержится ряд внутренних противоречий: например, если Никейского символа достаточно, почему был осужден принимавший его Евтих? С другой стороны, почему тогда Зенон выдвигает учение о "двойном единосущии" - ведь его не было в Никейском символе?

Последний параграф документа добавляет новых проблем. Вначале там говорится, что "ни Церкви, ни наше величество не принимают никакого другого символа (σύμβολον) или определения веры (ορου πίστεως)", что является прямым намеком на Халкидонский орос. Далее Зенон приводит любопытное оправдательное заявление, как будто заранее отвергая обвинение в цезарепапизме: "Мы написали это не для обновления веры, а лишь для вашего сведения". И, наконец, следует ключевая фраза: "Всякого же иначе мудрствующего, теперь, или когда бы то ни было, в Халкидоне или на каком-либо ином соборе - анафематствуем, в особенности вышеупомянутых Нестория и Евтиха и всех сходно мудрствующих".

И по форме, и по содержанию "Энотикон" был попыткой поднять спор на уровень христологических концепций и увести его из тупика терминологических разногласий. Если бы у него не было других скрытых смыслов и если бы эта попытка удалась, богословские споры могли бы утихнуть, вернувшись к ситуации после примирения св. Кирилла и Иоанна Антиохийского в 433 г. Но сам текст сделал такое возвращение невозможным. С одной стороны, "Энотикон" ссылался на осуждение Евтиха, которое произошло на Халкидонском Соборе, а с другой - отзывался о Халкидоне в весьма нелестном контексте.

Двусмысленность документа несомненна. Но он, хотя бы временно, казалось бы, принес плоды. Все великие восточные кафедры восстановили общение между собой. Петр Монг подписал "Энотикон", и Акакий восстановил общение с ним. Так как официально Константинопольская церковь придерживалась халкидонских позиций, Петр Монг должен был написать Акакию: "Возглавляя нас всех, Вы объединили святую Церковь Божию, убедив нас неопровержимыми доказательствами, что святой Вселенский Собор в Халкидоне не провозгласил ничего противного Никее и что он находится в согласии с решениями никейских отцов и подтверждает их". Следовательно, Акакий мог считать, что его политика увенчалась успехом: лидер оппозиции признал Халкидонский Собор. Однако непримиримые монофизиты подняли восстание в Египте, обвинив Монга в том, что он вступил в евхаристическое общение с халкидонцами.

(Продолжение на стр.8)

История Православной Церкви

Дворкин Александр Леонидович.

(Очерки по истории Вселенской Православной Церкви)

Некоторые из них отложились от своего епископа, приняв так называемый статус "безглавых". Монг перепугался и анафематствовал и Халкидон, и томос Льва. Он вычеркнул из диптихов имена Протерия и Тимофея Салофакиола и даже вынес тело Тимофея из их общей гробницы. Но он уже потерял доверие обеих сторон: его сочли бесхребетным лицемером.

В Антиохии убежденный халкидонец епископ Каландион отказался подписывать "Энотикон". Но вскоре он был обвинен в участии в политическом заговоре с целью свержения Зенона и отправлен в ссылку (484). К власти вновь пришел Петр Сукновальщик, который не только подписал "Энотикон", но и стал одним из самых активных его сторонников. Именно он, руководствуясь духом "Энотикона", ввел чтение Никео-цареградского Символа на Литургии. Он также ввел в употребление интерполированное "Трисвятое" (с добавкой "распныйся за ны"). Смысл этого был, несомненно, в провозглашении теопасхизма в строго кирилловском христологическом смысле. К сожалению, распространение этого песнопения Петром Сукновальщиком и резкое неприятие его халкидонскими кругами превратили его в монофизитский лозунг.

Даже в Палестине, где большинство монахов поначалу поддерживали Халкидон, "Энотикон" поначалу был принят Мартирием Иерусалимским. Видные халкидонцы приветствовали объединение Церкви.

Историк Евагрий описывал положение, созданное "Энотиконом", так: "В те дни Халкидонский Собор не провозглашался открыто в большинстве святых церквей, но и не отвергался всеми: каждый епископ действовал согласно своим убеждениям". Такое положение могло продолжаться, только если бы оно отражало настоящее согласие по существу христологии и последовательную интерпретацию традиции Церкви. Но в данном случае все было по-другому.

Проблемы оставались. Халкидон продолжали замалчивать. А тем временем, покуда "Энотикон" оставался в силе (в правление Зенона - 474-491 и Анастасия - 491-518), монофизитское движение росло и ширилось и требовало полного и недвусмысленного отвержения Халкидона. В течение десятилетий лишь одна Константинопольская кафедра, т.е. Акакий и его наследники, противилась такому развитию событий. Казалось бы, Рим должен был поддержать эту позицию. Но как раз в эту пору между двумя кафедрами произошел раскол.

Политические обстоятельства сделали такой разрыв возможным: с 476 г. древняя имперская столица находилась под властью остроготов и папы могли безбоязненно противостоять политике константинопольских императоров, власть которых распространялась на них лишь теоретически. В то же время папы представляли на Западе политические интересы императоров, и следовательно, они могли торговаться об условиях. Римские епископы, не понимая всей сложности положения на Востоке и всех тонкостей восточной христологической терминологии, твердо держались томоса папы Льва. Как и большинство латинских иерархов, знакомых лишь со словарем Тертуллиана, Августина и Льва, папы опасались малейшего отхода от буквы Халкидонского определения, поэтому, когда вышел "Энотикон", папа Феликс III (483-492) безоговорочно его отверг и разорвал отношения с Акакием.

В самом начале правления папа Феликс III послал своих легатов в Константинополь, чтобы разобраться с ситуацией вокруг смещенного епископа Александрийского Иоанна Талайи и для поддержки Халкидонского Собора: ему в Рим пришла жалоба "акимитов" - "неусыпающих" монахов, - заявивших, что Халкидон в столице предан патриархом Акакием. В Константинополе легатов очень хорошо приняли, одарили, и Акакий объяснил им свою позицию и тот смысл, который он вкладывал в принятие "Энотикона".

Халкидонские воззрения Акакия показались легатам весьма искренними и убедительными, а позиция Иоанна Талайи - весьма сомнительной. Они отслужили торжественную литургию с Акакием. И, конечно, это было воспринято всеми как признание "Энотикона" Римом.

Однако, по возвращении легатов, папа Феликс и собор 77 епископов низложил их, а также изверг из сана Акакия - за то, что он признал "рукоположенного еретиками" Петра Монга.

Такое резкое выступление Феликса против двусмысленностей "Энотикона", несомненно, поддержало дело халкидонского православия. Однако требования его преемников, в особенности папы Геласия, чтобы константинопольские патриархи Евфимий (490-495) и Македоний (495-511), формально разорвавшие общение с монофизитскими патриархами Александрии и твердо стоявшие за Халкидон, исключили имя Акакия из диптихов только на основании его низложения римской кафедрой, были в высшей степени нереалистичными и лишь углубляли раскол. На Востоке низложение папой Феликсом патриарха Акакия рассматривалось как грубое и неквалифицированное вмешательство одной кафедры в дела другой. Акакий не мог нести формальную ответственность за документ, опубликованный императором, а с Петром Монгом он восстановил общение лишь после того, как тот признал Халкидон. Акакия можно было обвинить в тактических ошибках, но не в ереси.

5. После смерти Зенона на его вдове Ариадне женился царедворец и очень способный администратор и финансист Анастасий, ставший новым императором (491-518). Он был уже довольно пожилым (60 лет), но весьма энергичным и компетентным правителем. Анастасий был благочестивым и богобоязненным человеком, однако, увы, с монофизитскими симпатиями. Он поддерживал "Энотикон", но с монофизитских позиций. Во всей его политике монофизитам отдавалось преимущество, хотя, нужно отдать ему должное, к явным гонениям против халкидонцев он почти не прибегал. В Египте он полностью поддерживал оккупацию александрийской кафедры людьми, жестко и бескомпромиссно отвергавшими Халкидонский Собор. Это были Афанасий II, Иоанн II Хемула, Иоанн III Никийский, Диоскор II и Тимофей IV.

Однако режим "Энотикона" не обеспечивал полного триумфа монофизитства и позволял халкидонскому крылу не только существовать, но и завоевывать преимущество на нескольких главных кафедрах христианского мира. Как мы уже говорили, это "халкидонство", будучи реакцией на монофизитство, часто принимало форму возрождения антиохийского христологического языка. Похоже, именно это происходило в халкидонской партии в Константинополе, в которую входили патриархи Евфимий (490-495) и Македоний (495-511). Таким образом, ведущие монофизитские богословы воспринимали свою борьбу как защиту св. Кирилла и могли с большой убежденностью заявлять, что принятие Халкидона означало восстановление Нестория. Император Анастасий прислушивался в основном именно к этим монофизитским богословам, а в конце своего царствования уже почти полностью попал под их влияние.

Кроме Константинополя, халкидонцы занимали кафедры в Иерусалиме (патриарх Илья, 493-516) и Антиохии (Флавиан II, 498-512), однако и оппозиция в этих местах была весьма сильной и часто кровавой.

Интеллектуальными лидерами антихалкидонцев были **Филоксен Маббугский (Ксенайя Иерапольский)** и **Севир Антиохийский**. Филоксен (+522 г.) был сирийцем, не знавшим греческого языка. Он был хиротонисан Петром Сукновальщиком в епископы города Маббуга (Иераполиса) близ Антиохии, написал множество полемических сочинений против Халкидона. В 506-507 гг. Филоксен провел мощную кампанию, требуя от своего патриарха Флавиана Антиохийского формально анафематствовать Халкидон. Когда ему это не удалось, он направил свое исповедание веры императору, завоевал имперскую поддержку и был торжественно принят в Константинополе.

Но патриарх Македоний отказался подчиниться имперскому решению и принять Филоксена в общение. Филоксен вернулся в Антиохию, где продолжил борьбу против халкидонского патриарха, и в конце концов ему удалось его низвергнуть и добиться отправки в ссылку. На место сосланного Флавиана был поставлен Севир, который, как и все монофизитские иерархи того времени, принял "Энотикон", а заодно анафематствовал Нестория, Евтиха, томос Льва и Халкидон.

Севир Антиохийский (+542 г.) был самым выдающимся монофизитским богословом. Он был рожден в греческой языческой семье в городе Созополисе в Писидии, в Малой Азии, и получил блестящее образование в областях риторики, греческой словесности, философии и юриспруденции. Он обратился в христианство и был крещен в 488 г. Севира привлекал монашеский идеал, и он подвижничал под руководством известного монофизитского писателя Петра Иверийца, епископа Маюмского. Севир обладал блестящим богословским умом и был относительно гибок и умерен. Среди всех монофизитских богословов он стоит ближе всего к православию. Он даже признавал ошибки монофизитского героя Диоскора и высказывал критику в его адрес. Вместе с тем, когда дело касалось вопросов, которые Севир считал главными, вся его гибкость и готовность идти на компромиссы кончались. Он видел себя главным представителем христологии, которая является единственной законной наследницей православия св. Кирилла. Его успешная карьера во многом стала результатом силы его характера и "магнетизма" его личности. Но в то же время он ничего не смог бы добиться без имперского покровительства. Три года (508-511) Севир прожил в Константинополе, где пользовался широкой имперской поддержкой. Там он боролся за введение интерполированного "Трисвятого" и весьма остроумно критиковал Халкидонский Собор. В конце концов Севир одержал победу и даже добился низложения и ссылки патриарха Македония в 511 г. На престол взошел Тимофей (511-518). Новый патриарх проявлял большую мягкость к монофизитам, но тем не менее оставался верен прохалкидонской позиции своей Церкви.

Однако в 512 г., когда в св. Софии пропели интерполированное Трисвятое, начался бунт.

Толпа низвергла статуи императора. Ситуация была спасена мужественным поведением 80-летнего Анастасия, который вышел к толпе без охраны, простоволосый, в простых грубых одеждах, и предложил немедленно отречься от трона. Люди были поражены мужественным поведением старика, который к тому же очень умело и справедливо правил Империей и был популярен среди народа, и бунт затих.

В Иерусалиме монофизиты, несмотря на мощную поддержку, в конце концов потерпели неудачу. Халкидонец патриарх Илья отказался признать избрание Севира патриархом Антиохийским в 512 г. Ему противостояли монофизитские монахи и губернатор Палестины Олимпий, действовавший по инструкции из столицы. В конце концов в 516 г. патриарха удалось сместить. На это место поставили его дьякона Иоанна, с условием, что он анафематствует Халкидон. Но в день, когда он за Литургией в присутствии племянника императора должен был анафематствовать Халкидон, в церковь явились два лидера палестинского монашества, **св. Савва** и **св. Феодосий**, с 10 тысячами монахов-халкидонцев... Произошла долгая заминка, в конце которой Иоанн анафематствовал не Собор, а Нестория, Евтиха и Севира и заявил, что принимает 4 Собора, как 4 Евангелия.

Все эти события показывают неудачу "Энотикона". Римские папы были неправы, рассматривая его как капитуляцию халкидонцев: пример Константинопольских патриархов и ситуация в Иерусалиме доказывали обратное. Но ситуация требовала не провозглашенного сверху формального мира, а богословского решения. К сожалению, силы халкидонцев были разделены. Раскол с Римом продолжался.

6. Главным действующим лицом в развитии так называемого "Акакианского" раскола стал папа **Геласий** (492-496 гг.). До избрания на престол он был ближайшим советником папы Феликса. Несмотря на краткость своего понтификата, в делах пастырских, административных и идеологических Геласий пользовался почти таким же влиянием и авторитетом, как и Лев. Он положил конец злоупотреблению в калабрийских церквах, где причастие преподносилось только под одним видом, и окончательно запретил проведение в Риме древнего языческого праздника луперкалий. Несколько составленных им молитв вошли в латинскую литургическую традицию.

Геласий продолжил развитие уже рассматривавшегося нами процесса роста самопревозношения пап.

(Продолжение в №70)

Редактор: Протоиерей Максим Липунов
Выпуск подготовила: И.Н. Андраханова
Электронная почта: lipunov.net@mail.ru
Сайт прихода: kuz.prihod.ru
Адрес:
654250, Новокузнецкий р-н, пос. Кузедеево, ул. Советская, 25.
Тираж: 200 экз.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Просим Вас не употреблять эту газету в хозяйственных нуждах. Если она стала Вам не нужна, отдайте её другим людям, если стала ветхой, сожгите.